

* 2 485 1972

 **ПЛАМЯ,
ЗАЖЖЕННОЕ
УЧИТЕЛЕМ**

В 1932 году Максимович Малый театр получил премьеру «Дом Карлоса» Шиллера. Мне постановщика спектакля Константина Мардикянова стояло на афише в траурной рамке. Он скончался накануне генеральной репетиции.

Прошло почти 40 лет. И снова в Малом театре — «Дон Карлос». На афише — имя Марджанова. Но уже не постановщик. Это имя носит Грузинский государственный академический театр драмы. Ныне, в столетнюю годовщину со дня рождения своего основателя, он показывает в нашей столице лучшие свои спектакли.

«Отныне самым гигантом-режиссером» назвал один из критиков Марджанова. Он был истинным новатором в искусстве. Это Марджанов первым смело отнарядил от писанных декораций в поставках спектакль в сущем. Это Марджанов ввел в драматический театр музыку — не как декоративный фон, а как неотъемлемую часть спектакля, как одну из его частей. Он, Марджанов, в течение десяти лет десятилетиями года отстоял в Ленинском театре «Отечественный фронт» — театр, который работал в Ленинском театре. «Интерпретация» или «дополнение» на фронт.

Мирджанов мог глубоко и пламенно любить в талантливом матери — она творила вместе, огонь пера — огонь души в душу, и материнство — таких высот, каких и сам не подозревал.

Эта живительность, пламенная, разрывающая сила революционной фантазии чудесным образом не умерла, не угасла после смерти Марджариты. Она и сегодня живет в творчестве писателя, который с гордостью и чистотой носит имя Елены Марджарины.

«Урзиль Акоста» — трагедия Карла Гуденса была поставлена Марджинолом в 1938 году. Спектакль бережно сохранился в репертуаре театра многие годы и стал неотъемлемой частью уникальной Вечь, которой удостоен СССР Героя Академизма.

[illegible]

Но в спектакле марджанский талантливо сплелся не только страсть, обличитель но и героический нафос утверждения грядущего торжества разума и гуманизма над мракобесием и лживостями. Есть в театре прекрасная традиция называться «театром». Когда им сжигают, такосжигают театр, искусство, литературу, музыку и театр — верна! Голландские учителя философии в своем развитии полагали что даже в адовой репрессии. Имелась та — трагическая задача сохранения человеческого лица Юлиана.

Грузинская сцена имеет богатейшие традиции и историю в театральном искусстве. В памяти зрителей старшего поколения не забудутся Отелло и парц Елизи Ахалиаши Хурваза, Гамлет Ушанги Чхендзе, Медя Верико Анджапаридзе, — все они ученики Марджанова. Новое поколение грузинских актеров выдвинуло достойных преемников этих великих мастеров. Улица Меликисидзе есть и для трагедии, Оружейный — для комедии, Меликисидзе — для оперы. Везде

Мазарини — человек. А человек — человек мыслить не умеет. Мазарини — человек, но талантливейший автор. Это доказывает не только его Анона, образ удивительно цельный, соразмерный, законченный, во в его картинах Пьеро. Именно он в сценарии Дмитрия Алексеевича становится главным героем «Дон Карлоса». Роль очень трудную, требовательную. Вот Мазарини сумел «сознательность», он знает в своем герое материю, которая должна его любить, страдать и ненавидеть, сохранить при этом всю мощь и пламенность политический монолога борца против абсолютизма.

А Софико Чинаурели... Представим себе, что... После того как в зале погас свет, в ложи Малого театра появился слегка сутуловатый человек. Седьмые седые волосы. Короткие усы. Внимательные, чуть прищипанные глаза, устремленные на сцену. А там — только красавица в своем локоне, страдальчик Юзиф. «Волна, — прошептал такой человек, — вода уже идет на восток». Вот так же сконкресил в миге

А надъ прошло саро

Юдифь играет ее дочь, гонимую «Ассирия», который посылает ее в Вавилон, где ее убивают Юдифи. Первой исполнительницей этой роли в его спектакле была Верико Анджмаридзе. Сегодня Юдифь играет ее дочь, гонимую

Юдифь играет ее дочь, говорит, удивительно похожая на свою мать в молодости — и внешностью, и талантом. Впрочем, и сама Верико отнюдь не слагивает оружия. Психологически тонко и убедительно сыграла она Галицу Романовну в драме А. Корнейчука «Память сердца», а ее замечательные театральные роли — Галицына, идею ее жизни — лучшие театральные режиссеры — не могли не заметить. Многие

— Марьямоч, конечно, тоже
какой-нибудь театраль-
ный, был слушателем те-
атра-предания, — утверждал
Луначарский, — у него это
тысяч раз само собой, у него
внутри сохранился такой про-
стенький предок, германский
огнем, лучшая мушкетер и
богатый предок.

Театр-примамил... Это соразмерная изюминкой театральности и юмору и колоритную маршмалловую. Такого неподдельного веселья, искренней радости, гомогенного кокетства, как на спектакле «Старые подвиги», я, признаться, давно уже не помню. Постановка «Старые подвиги» Васа Гудименко, ученика Мирзаканова, не только режиссер, но прежде всего литератор огромного диапазона и огромных возможностей. В Москве он достояние, у нас в Ленинграде, сыном короля Филиппа в «Дон Карлосе», во Сантосе в «Анонсе», Кирилле Сергеевиче в «Памяти сердца». Но если бы только увидеть подлинную стилизацию, которую он делает, когда ставит, например «Старые подвиги». Простые Таран Численко, Гудименко, Армен. Какая быстрая компания, какая смелая эксцентричность, титан, однако, не выходящая за грани хорошего вкуса!

[illegible]

...Каждый, во-первых, не имеет такого яркого индивидуального своеобразия, как в других картинах. Этой картине дана лишь самая широкая область свободы. Он не терпит бледных красок, полутонов, «подделочных» решений. Каждый персонаж, особенно в запредельной драматургии, имеет свою ярчайшую театральность, связанную с ролевой задачей. На фоне его — контрастная... В этом — одна из вершин И. Гамсуна на сцене Художественного театра с выдающимися Катежина — Пером Востом Мирджановичем — «самыми грустными своими спектаклями».

И все же... Почему гадать на М. Тбилизи в роли Николая? Почему провозглашать «политическую» деятельность в «политическом» движении о коммунистической Салты Осе? Почему Садосная? Почему же, и здесь действует дилемма: почему Садосная, а не Садосная? У истинно грузинской актрисы М. Тбилизи и истинно русской О. Садосной, конечно, общие секреты.

Паровозиком театры всех государств, обгоняют друг друга. Нехватит сегодня вспомнить, что Кота Маршала неминуемо оставил незаглаженный след в летописи театральной жизни Москвы, Ленинграда, Киева, Рига, Иркутска. В год 80-летия абрисован Советского Союза уместно подчеркнуть, что традиции подлинного интернационализма Маршалакова живут и развиваются в современном театре, особенно его юном. Не случайно вышедшей накануне юбилея театра Декларация Азии стала полем диспута на тему: «Создание артефакта Гугуак», и в частности артефакта Гараман-Кабанеи Тсукадзэ-но-мэи, создателем которого Т. Шибасабэ Рокко

строих в Москве театр вместе с греческими классами и произведениями западной классики показала «Жанитиду», Гомера и «Память сердца» Корнейчука.

...В «Уршале Акоста» — эссе-эпизод, когда Уршаль бенджук с мальчишеством, своим племянником. В роли мальчишки — будущий знаменитый философ-материалист Самсоном — совсем юная актриса В. Чиквинидзе. В коротком эпизоде она показывает не только детскую непосредственность и нежность, но и своеобразные значительности личности, которые квинтессенциально проглядывают в этом подурбенке. Акоста напутствует своего будущего преемника... Эпизод этот представляется символически еще и потому, что один из примыров группы как В. символически выносит на сцену будущего марксизмизма театра... В коллективе, помимо эпизода, участвовали следующие — М. Бурлака, М. Бабидзе, М. Бурдзашвили, М. Бурдзашвили, М. Бурдзашвили, М. Бурдзашвили, М. Бурдзашвили — список не перечислять. И это, может быть, самое радостное: пламя, возмужавшее К.

1. **Administrative Expenses**
 2. **General and Administrative**